

Лев Троцкий

Письма

Лев Давидович Троцкий
О Ленине. Материалы
для биографа
Серия «Монограмма»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12109428

О Ленине. Материалы для биографа: Грифон; Москва; 2005

ISBN 5-98862-007-8

Аннотация

«Портретов Ленина не видно, похожих не было и нет. Века уж, видно, дорисуют недорисованный портрет...» Книга одного из ближайших сподвижников и единомышленников того, о ком писал поэт, написана таким же равнодушным пером. Для незаурядного партийного и государственного деятеля, публициста и организатора, каким был Л. Д. Троцкий (1879–1940), смерть Ленина стала подлинным горем. Ощущение невосполнимой утраты диктует ему, не откладывая, начать работу, которая закрепила бы в народной памяти черты жизни и личности Ленина. Вниманию всех, кто интересуется историей России, и не только России, предлагаются воспоминания о решающем для Ленина периоде, в центре которого Октябрьский переворот: середина 1917-го, осень 1918-го года. Имя автора

воспоминаний в течение десятилетий, начиная с момента изгнания из страны, находилось у нас под строжайшим запретом.

Содержание

От издательства	6
I. Предисловие	7
II. Ленин и старая «Искра»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лев Троцкий
О Ленине. Материалы
для биографа

©.Грифон М, 2005

* * *

От издательства

Лев Давидович Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн; 1879–1940) – одна из ключевых фигур Октябрьской Революции в России. Намеренно забытый на десятилетия Л. Д. Троцкий сегодня возвращается на историческую арену, становясь в один ряд с такими фигурами как Ленин и Сталин. В отличие от своих соратников, Троцкий обладал магическим ораторским даром и талантом писателя, он был способен воодушевить и увлечь за собой огромные революционные массы. Как метко заметил А. В. Луначарский: «Его статьи и книги представляют собой, так сказать, застывшую речь, – он литературен в своем ораторстве и оратор в своей литературе».

Современный российский читатель практически не знаком с публицистикой Л. Д. Троцкого. Выпуская его книгу «О Ленине. Материалы для биографа» издательский дом «Грифон» надеется познакомит аудиторию с крайне интересной и необычной книгой, публикуемой в авторской редакции.

I. Предисловие

Эта книга не закончена – и притом в двух смыслах. Прежде всего, в ней никак нельзя искать биографии Ленина, или его характеристики, или законченного изложения его воззрений и методов действия. Эта работа дает только некоторые черновые материалы, наброски, эскизы для чьих-то будущих работ, – может быть, и для работы автора этих строк. Подобный «эскизный» подход, однако, неизбежен и необходим. Наряду с популярными биографиями и общими характеристиками необходима сейчас уже более детальная и тщательная работа закрепления отдельных эпизодов, отдельных черт жизни и личности Ленина, какими они проходили на наших глазах. Значительнейшую часть этой книги составляют воспоминания автора о двух периодах, отделенных пятнадцатилетним промежутком: о последнем полугодии старой «Искры» и о решающем годе, в центре которого стоит октябрьский переворот, т. е., примерно, с середины 1917 года до осени 1918-го.

Но эта книга не завершена и в другом, более узком смысле: я надеюсь, что обстоятельства позволят мне дальше работать над ней, вносить в нее поправки, исправлять, уточнять и дополнять ее новыми эпизодами и главами. Болезнь и вызванный ею временный отход от практической работы дали мне возможность восстановить в памяти многое из то-

го, что рассказано в этой книге. Прочитывая первые наброски, я дальше разворачивал клубок памяти, восстанавливал новые эпизоды, значительные уже тем одним, что они относятся к жизни Ленина или связаны с ним. Но этот метод работы включает в себе то неудобство, что продукт работы остается никогда не законченным. Именно поэтому я решил в известный момент механически обрубить рукопись и в таком виде выпустить ее в свет. Вместе с тем я, как уже сказано, сохраняю за собой право работать над этой книгой и далее. Незачем говорить, что я буду весьма обязан всем участникам событий и эпизодов захваченного мною времени, которые внесут свои поправки или сделают те или другие напоминания.

Нелишне здесь же предварить, что целый ряд обстоятельств опущен мною сознательно, как имеющий слишком близкое отношение к злобам сего дня.

К двум основным частям книги, имеющим характер воспоминаний, я присоединяю те статьи и речи, или части речей, в которых мне приходилось характеризовать Ленина.

Работая над воспоминаниями, я не пользовался почти никакими материалами, относящимися к изображаемой мною эпохе. Мне казалось, что, поскольку я не ставлю себе задачей дать законченный исторический очерк определенного периода из жизни Ленина, а лишь хочу представить кой-какие материалы из первоисточника, каким в данном случае является автор этой работы, будет лучше, если я буду пользовать-

ся лишь источниками собственной памяти.

После того, как работа в основном была написана, я перечитал XIV том сочинений Ленина и книжку т. Овсянникова о Брест-Литовском мире и внес в работу некоторые дополнения. Их оказалось очень немного.

Л. Троцкий

P. S. При прочтении написанного я заметил, что в воспоминаниях своих называю Ленинград либо Петроградом, либо Петербургом. Между тем некоторые другие товарищи Петроград старых времен называют задним числом Ленинградом. Мне это представляется неправильным. Можно ли, например, сказать: Ленин был арестован в Ленинграде? Ясно, что в Ленинграде не могли арестовать Ленина. Еще менее возможно сказать: Петр I основал Ленинград. Может быть, через годы или десятки лет новое название города, как вообще все собственные имена, утратит свое живое историческое содержание. Но сейчас мы слишком явно и живо ощущаем, что Петроград назван Ленинградом лишь после 21 января 1924 года – и не мог быть так назван раньше. Вот почему я в воспоминаниях сохраняю за Ленинградом то имя, каким он назывался в период описываемых событий.

21 апреля 1924 г. Л. Т.

II. Ленин и старая «Искра»

*«Раскол 1903 г. был, так сказать, антиципацией
(предвосхищением)...»
(Слова Ленина из беседы 1910 г.)*

Несомненно, что для будущего большого биографа Ленина период старой «Искры» (1900–1903 гг.) представит исключительный психологический интерес и вместе с тем большие трудности: ибо именно за эти короткие годы Ленин становится Лениным. Это не значит, что он дальше не растет. Наоборот, он растет – и в каких пропорциях! – и до Октября и после Октября. Но это уже рост более органический. Велик был прыжок из подполья к власти 25 октября 1917 года; но это был внешний, так сказать, материальный прыжок человека, который все, что можно взвесить и измерить, измерил и взвесил. А в том росте, какой предшествовал расколу на 2-м съезде партии, есть незаметный внешнему глазу, но тем более решительный внутренний прыжок.

Настоящие воспоминания имеют своей целью дать будущему биографу некоторый материал, относящийся к тому чрезвычайно знаменательному и значительному периоду в духовном развитии Владимира Ильича.

Сейчас, когда пишутся эти строки, с того времени прошло уже более двух десятилетий, и притом десятилетий, весьма

обременительных для человеческой памяти. Это может породить естественные опасения: в какой мере то, что здесь рассказано, правильно воспроизводит то, что было на деле. Скажу, что такое опасение было отнюдь не чуждо мне самому и не покидало меня во все время этой работы: неряшливых воспоминаний и неточных свидетельств и без того слишком много! Под руками у меня, когда писался этот очерк, не было решительно никаких документов, справочников, материалов и пр. Думаю, однако, что это к лучшему. Мне приходилось опираться только на память, и я надеюсь, что ее самопроизвольная работа при таких условиях была несколько более ограждена от непроизвольной ретроспективной ретуши, которой так трудно избежать даже при самой критической самопроверке. Да и будущему исследователю облегчается этим проверка, когда он займется ею, взявши в руки документы и всякие вообще материалы, относящиеся к тому времени.

Местами я привожу тогдашние беседы и споры в диалогической форме. Разумеется, вряд ли можно претендовать на точную передачу диалогов два с лишним десятилетия спустя. Но суть, как мне кажется, я передаю вполне верно, а некоторые, наиболее яркие выражения – дословно.

Так как речь идет о материалах для биографии Ленина, следовательно, о деле исключительной важности, то, может быть, мне позволено будет сказать несколько слов о некоторых свойствах моей памяти. Я очень плохо запоминал рас-

положение городов и даже квартир. В Лондоне, например, я не раз плутал на небольшом сравнительно расстоянии между квартирой Ленина и своей собственной. Долгое время я очень плохо запоминал человеческие лица, но в этом смысле я сделал весьма значительные успехи. Зато я очень хорошо запоминал и запоминаю идеи, их сочетание и беседы на идейные темы. Что эта оценка не субъективна, я имел возможность убедиться путем проверки много раз: другие лица, присутствовавшие при той же беседе, что и я, передавали ее нередко менее точно, чем я, и принимали мои поправки. К этому нужно прибавить то обстоятельство, что в Лондон я прибыл молодым провинциалом и очень хотел как можно скорее все узнать и понять. Естественно, если разговоры с Лениным и другими членами редакции «Искры» крепко врезывались в память. Вот соображения, которых не сможет учесть биограф при оценке степени достоверности печатаемых ниже воспоминаний.

* * *

В Лондон я приехал осенью 1902 г., должно быть, в октябре, ранним утром. Нанятый мною мимическим путем кеб доставил меня по адресу, написанному на бумажке, к месту назначения. Этим местом была квартира Владимира Ильича. Меня заранее научили (должно быть, еще в Цюрихе) стукнуть соответственное число раз дверным кольцом. Дверь

мне открыла, насколько помню, Надежда Константиновна, которую, надо думать, я своим стуком поднял с постели. Час был ранний, и всякий более опытный и, так сказать, более привычный к культурному общежитию человек посидел бы спокойно на вокзале час-два вместо того, чтобы ни свет ни заря стучаться в чужие двери. Но я еще был полон зарядом своего побега из Верхоленска. Таким же приблизительно образом я потревожил в Цюрихе квартиру Аксельрода, только не на рассвете, а глубокой ночью. Владимир Ильич находился еще в постели, и на лице его приветливость сочеталась с законным недоумением. В таких условиях произошло наше первое с ним свидание и первый разговор. И Владимир Ильич и Надежда Константиновна знали уже обо мне из письма Клэра (Г. М. Кржижановский), который в Самаре, так сказать, официально ввел меня в организацию «Искры» под прозвищем «Перо». Так я и был встречен: приехало, мол, «Перо»... Меня напоили чаем, кажется в кухне-столовой. Ленин тем временем оделся. Я рассказывал о побеге и жаловался на плохое состояние искровской границы: она оказалась в руках гимназиста-эсера, который к искровцам, ввиду разгоревшейся жестокой полемики, относился без большой симпатии; к тому же контрабандисты жестоко обобрали меня, превысив всякие тарифы и нормы. Надежде Константиновне я передал скромный багаж адресов и явок, вернее, сведения о необходимости ликвидации некоторых негодных адресов. По поручению самарской

группы (Клэр и др.) я посетил Харьков, Полтаву, Киев и почти везде, во всяком случае в Харькове и Полтаве, мог установить крайне слабое состояние организационных связей.

Не помню, в то же ли утро или на другой день я совершил с Владимиром Ильичем большую прогулку по Лондону. Он показывал мне Вестминстер (снаружи) и еще какие-то примечательные здания. Не помню, как он сказал, но оттенок был такой: это у них знаменитый Вестминстер. «У них» означало, конечно, не у англичан, а у врагов. Этот оттенок, несколько не подчеркнутый, глубоко органический, выражающийся больше в тембре голоса, был у Ленина всегда, когда он говорил о каких-либо ценностях культуры или новых достижениях, об устройстве Британского музея, о богатстве информации «Times'a», или много лет позже – о немецкой артиллерии или французской авиации: умеют или имеют, сделали или достигли, – но какие враги! Незримая тень эксплуататорского класса как бы ложилась в его глазах на всю человеческую культуру, и эту тень он ощущал всегда с такой же несомненностью, как дневной свет. Насколько могу припомнить, я проявил в тот раз к лондонской архитектуре минимальное внимание. Переброшенный сразу из Верхоленска за границу, где я вообще был в первый раз, я воспринимал Вену, Париж и Лондон лишь очень суммарно, и мне было еще не до «деталей» вроде Вестминстерского замка. Да и Владимир Ильич не за тем, разумеется, вызвал меня на эту большую прогулку. Цель его была в том, чтобы по-

знакомиться и проэкзаменовать. И экзамен был действительно «по всему курсу». На вопросы его я рассказывал о составе Ленской ссылки и о внутренних в ней группировках. Главной линией водораздела было тогда отношение к активной политической борьбе, к централистической организации и к террору.

– Ну, а теоретических разногласий, в связи с бернштейнианством, не было? – спросил В. И. Я рассказал, как мы читали книгу Бернштейна и ответ Каутского в московской тюрьме и затем в ссылке. Никто из марксистов в нашей среде не поднимал голоса за Бернштейна. Считалось как бы само собой разумеющимся, что Каутский прав. Но связи между теоретической борьбой, развертывавшейся тогда в международном масштабе, и нашими организационно-политическими спорами мы не проводили никакой и даже над ней не задумывались, по крайней мере до появления на Лене первых номеров «Искры» и книжки Ленина «Что делать?». Рассказывал еще я, что мы с большим интересом читали первые философские книжки Богданова. Помню очень твердо смысл замечания В. И.: и ему книжка об историческом взгляде на природу показалась очень ценной, но вот Плеханов не одобряет, говорит, что это не материализм. В. И. тогда на этот вопрос своего взгляда еще не имел и только передавал взгляд Плеханова, с уважением к его философскому авторитету, но и с недоумением. Меня плехановская оценка тогда также очень удивила. Спрашивал В. И. и об экономи-

ке. Я рассказал, как мы в Московской пересылной коллективно штудировали его книгу «Развитие капитализма в России», а в ссылке работали над «Капиталом», но остановились на втором томе. Я упомянул об огромном количестве статистических данных, разработанных в «Развитии капитализма».

– Мы в московской пересылке не раз с удивлением говорили об этой колоссальной работе.

– Так ведь это же делалось не сразу, – ответил Ленин.

Ему, видимо, было приятно, что молодые товарищи с вниманием относились к его важнейшей экономической работе.

Заговорили о махаевщине, о том, какое произвела она впечатление на ссылку, многие ли поддались. Я рассказал, что первая гектографированная тетрадь Махайского, доставленная нам «сверху» по Лене, произвела на большинство из нас сильное впечатление резкой критикой социал-демократического оппортунизма и в этом смысле совпадала с тем ходом наших мыслей, который вызывался полемикой между Каутским и Бернштейном. Вторая тетрадь, где Махайский «срывает маску» с марксовых формул воспроизводства, усматривая в них теоретическое оправдание эксплуатации пролетариата интеллигенцией, вызвала в нас теоретическое возмущение. Наконец, полученная нами позже третья тетрадь, с положительной программой, в которой пережитки экономизма сочетались с зародышами синдикализма, произвела впечатление полной несостоятельности.

Насчет моей дальнейшей работы разговор был в этот раз, разумеется, лишь самым общим. Я хотел, прежде всего, ознакомиться с вышедшей литературой, а затем предполагал нелегально вернуться в Россию. Решено было, что я должен сперва «осмотреться».

Для жительства я был отведен Надеждой Константинов-ной за несколько кварталов, в дом, где проживали Засулич, Мартов и Блюменфельд, заведовавший типографией «Искры». Там нашлась свободная комната и для меня. Квартира эта, по обычному английскому типу, располагалась не горизонтально, а вертикально: в нижней комнате жила хозяйка, а затем друг над другом жильцы. Была еще одна свободная общая комната, которую Плеханов окрестил после своего первого посещения вертепом. В комнате этой, не без вины Веры Ивановны Засулич, но и не без содействия Мартова, царил большой беспорядок. Тут пили кофе, сходились для разговоров, курили и пр. Отсюда и название.

Так начался короткий лондонский период моей жизни. Я принялся с жадностью поглощать вышедшие номера «Искры» и книжки «Зари». К этому же времени относится начало моего сотрудничества в «Искре».

К 200-летию юбилею Шлиссельбургской крепости я написал заметку, кажется, первую мою работу для «Искры». Кончалась заметка гомеровскими словами или, вернее, словами гомеровского переводчика Гнедича насчет «необорных рук», которые революция наложит на царизм (по дороге

из Сибири я начитался в вагоне «Илиады»). Ленину заметка понравилась. Но насчет «необорных рук» он впал в законное сомнение и выразил мне его с добродушной усмешкой. «Да это гомеровский стих», оправдывался я, но охотно согласился, что классическая цитата необязательна. Заметку можно найти в «Искре», но без «необорных рук».

Тогда же я выступил с первыми докладами в Уайт-Чепеле, где сразился со «стариком» Чайковским (он и тогда уже был стариком) и с анархистом Черкезовым, тоже немолодым. В результате я был искренне удивлен тем, что именитые седобородые эмигранты способны нести такую явную око-лесицу... Связью с Уайт-Чепелем служил лондонский «старожил» Алексеев, марксист-эмигрант, близкий к редакции «Искры». Он посвящал меня в английскую жизнь и вообще был для меня источником всякого познания. Помню, как я, после обстоятельного разговора с Алексеевым по пути в Уайт-Чепел и обратно, передал Владимиру Ильичу два мнения Алексеева насчет смены государственного режима в России и насчет последней книжки Каутского. У нас смена произойдет не постепенно, говорил Алексеев, а крайне резко, ввиду р.и.г.и.д.н.о.с.т. и самодержавия. Слово ригидность (жесткость, твердость, несгибаемость) я твердо запомнил. «Что ж, это он, пожалуй, прав», – сказал Ленин, выслушав рассказ. Второе суждение Алексеева касалось книжки Каутского «На второй день после социальной революции». Я знал, что Ленин книжкой очень интересуется, что он,

по его собственным словам, читал ее дважды и читает в третий раз; кажется, им же был проредактирован русский перевод. Я только что прилежно проштудировал книжку по рекомендации Владимира Ильича. Между тем Алексеев находил книжку Каутского оппортунистической. «Ду-рак», – неожиданно сказал Ленин и сердито надул губы, что с ним бывало в случае недовольства. Сам Алексеев относился к Ленину с величайшим уважением: «Я считаю, что он для революции важнее Плеханова». Ленину я об этом, конечно, не говорил, но Мартову сказал. Тот ничего не ответил.

Редакция «Искры» и «Зари» состояла, как известно, из шести лиц: трех «стариков», Плеханова, Засулич и Аксельрода, и трех молодых, Ленина, Мартова и Потресова. Плеханов и Аксельрод проживали в Швейцарии, Засулич – в Лондоне, с молодыми. Потресов в это время находился где-то на континенте. Такая разбросанность представляла технические неудобства, но Ленин нисколько не тяготился ими, даже наоборот. Перед моей поездкой на континент он, посвящая меня осторожно во внутренние дела редакции, говорил о том, что Плеханов настаивает на переводе всей редакции в Швейцарию, но что он, Ленин, против перевода, так как это затруднит работу. Тут впервые я понял, но лишь чуть-чуть, что пребывание редакции в Лондоне вызывается соображениями не только полицейского характера, но и организационно-персональными. Ленин хотел в текущей организационно-политической работе максимальной независи-

мости от стариков и, прежде всего, от Плеханова, с которым у него уже были острые конфликты, особенно при выработке проекта программы партии. Посредниками в таких случаях выступали Засулич и Мартов: Засулич – в качестве секунданта от Плеханова и Мартов – в таком же качестве от Ленина. Оба посредника были очень примирительно настроены и, кроме того, очень дружны между собою. Об острых столкновениях между Лениным и Плехановым по вопросу о теоретической части программы я узнавал лишь постепенно. Помню, Владимир Ильич спрашивал меня, как я нахожу программу, тогда только что опубликованную (кажется, в № 25 «Искры»). Я, однако, воспринял программу слишком оптовым порядком, чтобы ответить на тот внутренний вопрос, который интересовал Ленина. Разногласия шли по линии большей жесткости и категоричности в характеристике основных тенденций капитализма, концентрации производства, распада промежуточных слоев, классовой дифференциации и пр. – на стороне Ленина и большей условности и осторожности в этих вопросах – на стороне Плеханова. Программа, как известно, изобилует словами «более или менее»: это от Плеханова. Насколько вспоминаю, по рассказам Мартова и Засулич, первоначальный набросок Ленина, противопоставленный наброску Плеханова, встретил со стороны последнего очень резкую оценку в высокомерно-насмешливом тоне, столь отличавшем в таких случаях Георгия Валентиновича. Но Ленина этим нельзя было, ко-

нечно, ни обескуражить, ни испугать. Борьба приняла очень драматический характер. Вера Ивановна, по ее собственному рассказу, говорила Ленину: «Жорж (Плеханов) – борзя: потреплет, потреплет и бросит, а вы – бульдог: у вас мертвая хватка». Очень хорошо помню эту фразу, как и заключительное замечание Засулич: «Ему (Ленину) это очень понравилось. «Мертвая хватка?» – переспросил он с удовольствием». И Вера Ивановна добродушно передразнивала интонацию вопроса.

При мне в Лондон приезжал на короткое время Плеханов. Тогда-то я и увидел его впервые. Он приходил на нашу общую квартиру, был в вертепе, но меня не было дома.

– Приехал Жорж, – сказала мне Вера Ивановна, – хочет вас видеть, зайдите к нему.

– Какой Жорж? – спросил я с недоумением, решив, что есть еще одно крупное имя, мне неизвестное.

– Ну, Плеханов... Мы его Жоржем зовем.

Вечером я зашел к нему. В маленькой комнатке кроме Плеханова сидели довольно известный немецкий писатель социал-демократ Бер и англичанин Аскью. Не зная, куда меня девать, так как стульев больше не было, Плеханов – не без колебания – предложил мне сесть на кровать. Я считал это в порядке вещей, не догадываясь, что европеец до конца ногтей Плеханов мог только ввиду крайности обстоятельств решиться на такую чрезвычайную меру. Разговор шел на немецком языке, которым Плеханов владел недоста-

точно и потому ограничивался односложными замечаниями. Бер говорил сперва о том, как английская буржуазия умело обхаживает выдающихся рабочих, а затем разговор перешел на английских предшественников французского материализма. Бер и Аскью вскоре ушли. Георгий Валентинович вполне основательно ожидал, что уйду с ними и я, так как час был поздний и нельзя было беспокоить хозяев квартиры разговором. Я же, наоборот, считал, что теперь-то только настоящее и начинается.

– Очень интересные вещи говорил Бер, – сказал я.

– Да, насчет английской политики интересно, а насчет философии – пустяки, – ответил Плеханов.

Видя, что я не собираюсь уходить, Георгий Валентинович предложил мне выпить по соседству пива. Он задал мне несколько беглых вопросов, был любезен, но в этой любезности был оттенок скрытого нетерпения. Я чувствовал, что внимание его рассеяно. Возможно, что он просто устал за день. Но я ушел с чувством неудовлетворенности и огорчения.

В лондонский период, как и позже, в женевский, я гораздо чаще встречался с Засулич и с Мартовым, чем с Лениным. Живя в Лондоне на одной квартире, а в Женеве – обедая и ужиная обычно в одних и тех же ресторанчиках, мы с Мартовым и Засулич встречались несколько раз в день, тогда как с Лениным, который жил семейным порядком, каждая встреча вне официальных заседаний была уже как бы ма-

леньким событием.

Засулич была человеком особенным и по особенному очаровательным. Писала она очень медленно, переживая подлинные муки творчества. «У Веры Ивановны ведь не писание, а мозаика», – сказал мне как-то в ту пору Владимир Ильич. И действительно, она наносила на бумагу по отдельной фразе, много ходила по комнате, шаркая и приптаывая своими туфлями, без конца дымила свернутыми от руки папиросами, нашвыривала во всех углах, на всех окнах и столах окурки и просто недокуренные папиросы, осыпала пеплом свою кофту, руки, рукописи, чай в стакане, а при случав и собеседника. Была она и осталась старой интеллигенткой-радикалкой, которую судьба подвергла марксистской прививке. Статьи Засулич свидетельствуют, что теоретические элементы марксизма она усвоила превосходно. Но в то же время нравственно-политическая основа русской радикалки 70-х годов осталась в ней неразложенной до конца. В интимных беседах она позволяла себе будировать против известных приемов или выводов марксизма. Понятие «революционер» имело для нее самостоятельное значение, независимое от классового содержания. Помню свой разговор с ней по поводу ее «Революционеров из буржуазной среды». Я употребил выражение буржуазно-демократические революционеры. «Да нет, – с оттенком досады или, вернее, огорчения отозвалась Вера Ивановна, – не буржуазные и не пролетарские, а просто революционеры. Можно,

конечно, сказать мелкобуржуазные революционеры, – прибавила она, – если причислять к мелкой буржуазии все то, что некуда девать...»

Идейным средоточием социал-демократии была тогда Германия, и мы напряженно следили за борьбой ортодоксов с ревизионистами в немецкой социал-демократии. А Вера Ивановна нет-нет да и скажет:

– Все это так. Они и с ревизионизмом покончат, и Маркса восстановят, и станут большинством, а все-таки будут жить с кайзером.

– Кто «они», Вера Ивановна?

– Да немецкие социал-демократы.

На этот счет, впрочем, Вера Ивановна не так ошибалась, как казалось тогда, хотя все произошло по-иному и по иным причинам, чем она думала...

К программе земельных отрезков Засулич относилась скептически, – не то что отвергала, а добродушно посмеивалась. Помню такой эпизод. Незадолго до съезда приезжал в Женеву Константин Константинович Бауэр, один из старых марксистов, но крайне неуравновешенный человек, друживший одно время со Струве, а в этот период колебавшийся между «Искрой» и «Освобождением». В Женеве он стал склоняться к «Искре», но отказывался принять отрезки. Ходил он к Ленину, с которым, возможно, был знаком и ранее. Вернулся от него, однако, не убежденным, вероятнее всего потому, что Владимир Ильич, зная его гамлетическую при-

роду, не давал себе труда убеждать его. У меня с Бауэром, которого я знал по ссылке, был длинейший разговор о злополучных отрезках. В поте лица я развернул перед ним все те доводы, которые успел накопить за полгода бесконечной при с эсерами и всеми вообще супостатами «искровской» аграрной программы. И вот вечером того же дня Мартов (помнится, он) сообщил на заседании редакции, при мне, что приходил к нему Бауэр и заявился окончательно «искровцем» Троцкий, мол, рассеял все его сомнения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.